

ВРЕМЯ МОЛЧАНИЯ АРФ:

Размышления о 136 псалме

Аннотация. В своей статье автор рассматривает содержание 136 псалма, акцентируя внимание на внутренних переживаниях псалмопевца, прошедшего через опыт вавилонского вторжения, плена, крушения привычного уклада жизни и безмерной тоски по потерянной родине.

Автору псалма больше нечего терять. Все, что у него осталось – это память об Иерусалиме и пульсирующая боль потерь. Когда больше нечего терять – можно говорить обо всем искренне, открыто, без обиняков, условностей и политкорректности, что и делает псалмопевец. В статье проводится мысль о том, что, несмотря на огромный временной интервал, мы во многом можем ассоциировать свои чувства и мысли с чувствами и мыслями библейского автора, высказанными в его поэтической молитве. Подчеркивается возрастающая актуальность 136 псалма ввиду нынешней российско-украинской войны.

Ключевые слова: плен, Иерусалим, Сион, песни, возмездие, Вавилон, воспоминание, идумеи, война, Украина

Title: *The Time of the Silent Harps: Reflections on Psalm 137.*

Abstract. In his article, the author examines the content of Psalm 137, focusing on the inner struggles of the psalmist, who went through the experience of the Babylonian invasion, captivity, collapse of the usual way of life and immense longing for the lost homeland. The psalmist has nothing more to lose. All he has left is the memory of Jerusalem and the throbbing pain of loss. When there is nothing to lose, one can talk about everything sincerely, openly, without equivocation or political correctness. This is exactly what the psalmist does. The article suggests that, despite the huge time interval, the biblical author's feelings and thoughts expressed in his poetic prayer in many ways echo what we feel and think in our time. The author also emphasizes the growing relevance of Psalm 137 in view of the current Russian-Ukrainian war.

Keywords: *captivity, Jerusalem, Zion, songs, remembrance, retribution, Babylon, Edomites, war, Ukraine*

Вячеслав Герасимчук, доктор богословия (PhD), преподаватель ветхозаветных дисциплин в Одесской богословской семинарии (Одесса, Украина). (Одесса, Украина). ORCID: 0000-0001-6501-0734.

«Когда мы читаем некоторые псалмы,
ненависть пышет в лицо, словно жар из печи...»
Клайв Льюис, *Размышления о псалмах*

Введение

◆ Удивительно, как время с его неумолимой и часто внезапной сменой эпох, судеб и поколений всякий раз выводит на передний план тексты, которые ранее оставались в тени других, более громких и значимых. Это касается и библейских книг. Сейчас, когда идет кровопролитная война развязанная Россией, когда вихрь трагических событий перевернул жизнь миллионов людей в Украине, многие всё чаще обращаются к Библии не только за словом утешения, но и за вестью о справедливом возмездии, за моральным обоснованием надежды увидеть вскоре, как «оравшие нечестие и сеявшие зло пожинают его» (Иов 4:8). Среди текстов, неожиданно *заговоривших* для украинских христиан в эти дни и месяцы войны, далеко не последнее место занимает 136 псалом. Этот короткий текст обладает поразительной способностью «воскресать» во времена войн, геноцидов, притеснений и гонений.^[1] Уверен, что душе-раздирающая реальность нынешней кровавой агрессии не раз подтолкнет верующих к данному произведению, которое служит зеркальной плоскостью, способной поэтически отобразить мысли и чувства многих.

Эта статья – попытка прочтения 136 псалма с позиции сегодняшнего дня. Статья состоит из материала четырехлетней давности и свежих размышлений об этом псалме, описывающем опыт оплакивания еврейским народом потерянной жизни в Иерусалиме. Прочтение данного псалма тогда и сейчас, когда в Украине каждый день гибнут люди от пуль, снарядов и ракет, – это два разных прочтения. Разных по интенсивности проникновения в текст, по уровню эмпатии к плачущим «при реках Вавилона» и миллионам беженцев по всему миру, по степени созвучия этого древнего лаamenta современному плачу о жертвах продолжающейся в наши дни жестокой войны. Несмотря на кардинальные отличия в контексте – плачущие у рек Вавилона скорбели о том, что произошло в прошлом, пусть и связанном отголосками с их настоящим, а сетующие ныне украинцы вынуждены оплакивать потери в процессе

[1] Например, в годовщину независимости США американский писатель-аболиционист Фредерик Дуглас (1818–1895) обратился к аудитории в Рочестере с пламенной речью, в которой провел параллель между чернокожими своего времени и евреями в период вавилонского пленения. Он сравнил ситуацию, когда окружающие ожидают, что люди его расы будут отмечать День независимости, с тем, как когда-то евреев издевательски заставляли петь хвалебные песни об Иерусалиме. См. David W. Stowe, “Psalm 137: How Frederick Douglass claimed the Biblical message of social justice on July 4th”. <http://www.milwaukeeindependent.com/syndicated/psalm-137-how-frederick-douglass-claimed-the-biblical-message-of-social-justice-on-july-4th/> См. обзор интерпретаций Пс. 136 в американской музыкальной культуре XVII–XX вв., особенно в музыке протестно-освободительного направления в статье David W. Stowe, “Babylon Revisited: Psalms 137 as American Protest Song”, *Black Music Research Journal* 32 (1) (2012), 98–110.

активной фазы войны и ежечасного умножения страданий и жертв среди военных и гражданского населения, – можно отметить некоторый эмоциональный консонанс и параллели между участниками процесса выражения скорби тогда и сейчас.

1. Структура и жанровые особенности

◆ С точки зрения структурного построения псалом не представляет собой слишком сложное произведение. Он отчетливо состоит из трех разножанровых частей:

- 1) общинный плач (ст. 1-4),
- 2) песнь Сиона (ст. 5-6),
- 3) проклятие (ст. 7-9).^[2]

Что касается тематических акцентов, то этот псалом можно разделить на то же количество блоков (в том же объеме), первый из которых можно назвать «Молчащие арфы и неспетые песни», второй – «Иерусалим – навсегда в памяти», а третий – «Жажда возмездия ненавистным иду-мьям и вавилонянам».

Трехчастность наблюдается и по таким характеристикам, как переход от использования местоимения первого лица множественного числа в первых четырех стихах к форме первого лица единственного числа в стихах 5 и 6 и обращения к Богу и восклицаниям о наказании Едома и Вавилона в последних трех стихах. Кроме того, как отмечает ряд исследователей, ст. 1-4 описывают событие прошлого, ст. 5-6 фокусируются на настоящем, а ст. 7-9 обращаются в будущее.^[3] Упоминание Вавилона в первом и последнем стихах позволяет усмотреть использование приема инклюзии.^[4]

2. Размышления над текстом

2.1. Молчащие арфы и неспетые песни (ст. 1-4)

¹ При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе;^[5]

^[2] Tremper Longman III and David E. Garland, *The Expositor's Bible Commentary V: Psalms* (Grand Rapids, MI: Zondervan, 2008), 949.

^[3] См. Mary Therese DesCamp, “Blessed Are the Baby Killers: Cognitive Linguistics and the Text of Psalm 137”, *Society of Biblical Literature 2006 Seminar paper*, 3. https://www.sbl-site.org/assets/pdfs/DesCamp_Blessed.pdf; Daniel Simango, “A Comprehensive Reading of Psalm 137”, *Old Testament Essays* 31 (1) (2018), 220.

^[4] Hennie Viviers, “Psalm 137: Perspectives on the (neuro-) psychology of loss”, *Verbum et Ecclesia* 31(1) (2010), 4.

^[5] См. подробный разбор текстовых нюансов этого и других стихов 136 псалма, а также особенностей и расхождений Масоретского текста и Септуагинты в третьем томе монументального комментария Аллена Росса на Псалтирь. Allen P. Ross,

◆ Псалом начинается с указания места плача на фоне воспоминаний о Сионе.^[6] По сути, это воспоминание о тяжелых днях вавилонского плена. И хотя этот псалом, скорее всего, был написан либо к концу плена, либо в после пленную эпоху, которая началась для евреев после падения Вавилона и эдикта персидского царя Кира II в 539 и 538 гг. до н.э. соответственно, время оплакивания потерянного Сиона, насильственного переселения и тягостного пребывания в «земле плена» (Иер. 46:27) навсегда запечатлелось в памяти пленников, изливавших душу у рек Вавилона.^[7] О составе тех, кто скрывается за местоимением «мы», почти ничего неизвестно. Можно предположить, как, например, Джеймс Веллард, что часть этих людей были представителями групп, перечисленных в 4 Цар. 24:14, из которых следует выделить прежде всего плотников и кузнецов.^[8] Если это предположение верно, то картина рек Вавилона как пункта сбора евреев для печальных реминисценций в духе античных элегий далека от действительности. Возможно, под вавилонскими реками (Тигр, Евфрат и особенно Ховар, где находилась часть переселенцев (Иез. 1:1; 3:15)) подразумевались не собственно сами реки, а ирригационные каналы, которые брали свое начало у этих рек. Плотники, кузнецы и прочий рабочий народ из покоренной Иудеи мог находиться при этих каналах, чтобы поддерживать оросительную си-

A Commentary on the Psalms: Volume 3 (90-150) (Grand Rapids: Kregel Publications, 2016), 785-786.

^[6] Первый стих этого прекрасного псалма с его невероятно грустной поэзией и яркими образами боли о безвозвратных потерях очень далеко отстоит от ритмично-танцевального «прочтения» данного текста группой Voney M в мегапопулярной песне конца 70-х-начала 80-х «By the rivers of Babylon». По моему мнению, в качестве музыкальной интерпретации Пс. 136 гораздо созвучнее лирике и сюжету будет органный хорал Баха «An Wasserflüssen Babylon» (BWV 653), композиция Соломона Росси «Al naharot Bavel» или песня с тем же названием в исполнении Les Chevatim (<https://www.youtube.com/watch?v=8TfE2VdLtlM>). В качестве более современного и индивидуализированного песенного осмысления псалма можно выделить песню Леонарда Коэна «By the rivers dark» с неожиданной концовкой «Be the truth unsaid and the blessing gone, if I forget my Babylon» (Пусть истина останется невысказанной и исчезнет благословение, если я забуду свой Вавилон). См. анализ хорала Баха в книге Михаила Сапонова, *Себастьян Бах: Хоралы Святому Духу* (Москва: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2015), 58-68. Краткий обзор музыкальных рефлексий на Пс. 136 представлен David W. Stowe, «Songs of exile: a playlist for Psalm 137», <https://blog.oup.com/2016/06/songs-exile-playlist-psalm-137/>

^[7] Можно сказать, что в ст. 1 имеет место двойное воспоминание – воспоминание о том, как евреи сидели у рек вавилонских, горевали и вспоминали все детали той страшной катастрофы, которая произошла с их народом. Более подробно о датировке и Sitz im Leben этого псалма см. Yolande Steenkamp, «Violence and hatred in Psalm 137: The Psalm in Its Ancient Social Context». *Verbum et Ecclesia* 25 (2004), 301-302; Simango, «A Comprehensive Reading of Psalm 137», 231-234; Leonard P. Maré, «Psalm 137: Exile – Not the Time for Singing the Lord’s Song», *Old Testament Essays* 23 (1) (2010), 118-119.

^[8] James Wellard, *By the Rivers of Babylon* (Newton Abbot: Readers Union, 1973), 176.

стему в надлежащем состоянии.^[9] Сидение в этом случае – не признак сетования *ad infinitum*, хотя само по себе «положение сидя было официальной позой для оплакивания, и иудейские изгнанники вели себя как скорбящие на похоронах».^[10]

Сразу по прибытии в Вавилон евреи поняли, что Иерусалим, их родной дом, навсегда исчез из их жизни. Особенно это касалось людей постарше, которые осознавали, что у них никогда не будет шансов вернуться на родину. И вот «при реках Вавилона», местах уединения, они плачут, вспоминая Сион. В книге Плач Иеремии есть текст о человеке, который «сидит уединенно и молчит... полагает уста свои в прах, помышляя: «может быть, еще есть надежда»; подставляет ланиту свою бьющему его, пресыщается поношением» (3:28-29). Если тот человек еще не до конца потерял надежду, то люди, вспоминая Сион в вавилонском плену, едва ли питали какие-то надежды. Они плакали не просто от ностальгии, а от чувства безысходности, забытости Богом. Конечно, представители других народов, оказавшиеся на месте Израиля, тоже лили слезы, вспоминая руины своих городов, но Израиль понимал, что в их случае жертва выходила за рамки потери родины и родных пепелищ. Они оплакивали тот трагический факт, что Бог из благодетеля превратился в судью, из защитника – в гонителя; Сион из места Божьего присутствия превратился в мишень Божьего гнева (ср. Плач 4:11), а они как народ Божий – в пленников по воле собственного Бога (ср. Иер. 29:4; Плач 1:5). Они плакали, смешивая слезы с водами реки, ища утешения только в памяти, способной вызвать из прошлого картины навсегда ушедшей безмятежной жизни в Иерусалиме.^[11]

² на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы.

Во втором стихе локусный вектор смещается с рек на деревья, украшавшие унылый пейзаж, в котором главную роль играли опять-таки реки. В западной истолковательной традиции принято акцентировать внимание на роде древесного растения, *арава*, о котором упоминает псалмопевец в этом стихе. И это неудивительно, учитывая то, насколько иллюстративна и символична верба или (плакучая) ива как дерево

[9] Wellard, *By the Rivers of Babylon*, 176. Есть и другие объяснения. Например, евреи могли собираться «на берегах каналов, потому что им нужна была вода для их религиозных обрядов (Деян. 16:13)». Уоррен Уирсби, *Комментарий на Ветхий Завет. Том 2. Ездра-Малахия* (Санкт-Петербург: Библия для всех, 2011), 422.

[10] Уирсби, *Комментарий на Ветхий Завет*, 422. Кроме того, как пишет Гоулдер, «литургический плач также традиционно символизировался возлиянием воды (как, например, во время Самуила, когда был организован пост и молитва в Массифе, и собравшиеся там израильтяне «черпали воду, и проливали пред Господом» (1 Цар. 7:6); следовательно, сбор у рек Вавилонии мог быть уместным также и с целью обеспечения любого ритуального омовения водой». Michael D. Goulder, *The Psalms of the Return (Book V, Psalms 107-150)* (Sheffield: Sheffield Academic Press, 1998). 225.

[11] Мэтью Генри. *Толкование книг Ветхого Завета. Том 6. Псалмы* (DRTS, 2005), 585.

грусти и плача. В то же время некоторые исследователи отмечают, что вместо ивы или, еще конкретнее, ивы вавилонской (*Salix babylonica*), в описываемом эпизоде следует понимать тополь или, вернее, тополь евфратский, который рос вдоль берегов вавилонских рек и своими низко свисающими ветвями напоминал иву.^[12]

Очередным элементом псалма выступают музыкальные инструменты, называемые арфами (ед. ч. *киннор*). Этот древнейший инструмент, встречающийся еще в первобытной истории книги Бытие (4:21), выступает под разными именами в Синодальном переводе. Помимо варианта «арфа», используются еще такие версии перевода слова «киннор», как цитра или гусли (ср. Ис. 5:12; 23:16; 24:8), которые, тем не менее, так же обозначают струнный инструмент.

Кинноры молчали, потому что их владельцы находились «посреди его», в месте пленения, а не на родине. Разрыв с Сионом символически отражается в разрыве с сионскими арфами. Их повесили на деревья (как завершающий карьеру боксер вешает перчатки на гвоздь^[13]), как будто чтобы избавиться от искушения опять использовать эти инструменты и тем самым нарушить обеты, данные самим себе. Пожалуй, от ветра или от прикосновения листьев, висевшие кинноры изредка издавали гулкие хаотичные звуки, которые вносили еще больший элемент дисгармонии, напоминали певцам и арфистам (киннористам) о потерянном счастье, о счастливой жизни в земле обетованной, которую они утратили по причине своего же отступления от Яхве как источника счастья, благоденствия и мира.

³ Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши – веселья: „пропойте нам из песней Сионских”.

Память продолжает удерживать место действия псалма в центре воспоминания, взор псалмопевца все еще направлен на то, что происходило «шам» (там), только теперь пейзажная составляющая сменяется эпизодом с участием живых людей.^[14] Эти люди – «пленившие нас». Увы, к чужой обстановке примыкают чужие люди. В отличие от относительной статичности пейзажа – движение воды и качание деревьев не в счет – и созерцательной пассивности и молчания участников оплакивания трагической судьбы Иерусалима, «пленившие» вполне активны. Их активность проявляется, прежде всего, на вербальном уровне, посред-

^[12] Hermann Gunkel, “Psalm 137: An Interpretation”, *The Biblical World* 22 (4) (1903), 291; Джон Х. Уолтон, Виктор Х. Мэтьюз, Марк У. Чавалес, *Библейский культурно-исторический комментарий. Часть 1. Ветхий Завет* (Санкт-Петербург: Мирт, 2003) – электронная версия книги.

^[13] Goulder, *The Psalms of the Return*. 226.

^[14] Во многом Украина ощущает нестерпимую боль пребывания «там», на войне, а не «здесь», в довоенном модусе жизни. По мере того, как «здесь» удаляется все дальше и дальше, «там» становится новым «здесь».

ством издевок и требований позабавить их песнями Сионскими. Для врагов, ставших хозяевами жизни плененных иерусалимлян, их жертвы представляли собой жалких трубадуров, которые могут позабавить их песнями.

Пророки были первыми, кто проливал горькие слезы о закате их родной страны и неизбежности грядущего наказания, о развращенности сердец своих соотечественников. В частности, Иеремия и Иезекииль безжалостно изобличали народ в ужасных преступлениях против Яхве и ближних (ср. Иер. 9:1-2). Но для народа эти пророки были как юродивые певцы, их слова только развлекали слушателей. Так, Иезекииль передает следующие слова Бога:

И они приходят к тебе, как на народное сходбище, и садится перед лицом твоим народ Мой, и слушают слова твои, но не исполняют их; ибо они в устах своих делают из этого забаву, сердце их увлекается за корыстью их. И вот, ты для них – как забавный певец с приятным голосом и хорошо играющий; они слушают слова твои, но не исполняют их. Но когда сбудется, – вот, уже и сбывается, – тогда узнают, что среди них был пророк (Иез. 33:31-33).

Теперь евреям самим приходилось привыкать быть в шкуре «забавных певцов с приятным голосом». Враги, пленившие их, еще больше усугубляли их боль и тоску придирчивыми просьбами и даже требованиями развлечь их песнями Сиона. «Пропойте нам из песней Сионских», повеселите себя и нас! Эти приставания были нацелены на то, чтобы посредством высмеивания и подтрунивания лишить переселенцев твердого основания в вере, отнять «их идентичность, достоинство и надежду».^[15] Евреи рады были бы остаться наедине со своей тоской о прошлом, но враги, отнявшие у них это прошлое, не давали им покоя и там, в Вавилоне.

4 Как нам петь песнь Господню на земле чужой?

Вопрос, выраженный в этом стихе, открывает тягостную парадоксальность перспективы воспроизведения песенного наследия Сиона вне Иерусалима. Песни Господни или песни Сиона – это песни о радости, мире и спасении от Яхве, Который царствует над Своим народом (ср. Ис. 52:7). Это песни победы живого Бога над языческими богами и богинями. Как петь эти песни в земле во всех смыслах чужой и чуждой? Возможно, враги народа Божьего сами не до конца понимали, каким троллингом звучали их просьбы-издевки о песнях сионских. Даже с учетом пророческой перспективы временности плена как наказания от Бога богатый богословский контент этих песен выступал против тех, для кого эти песни были торжественным выражением символа веры.

^[15] Walter Brueggemann, *Message of the Psalms: A Theological Commentary* (Augsburg: Augsburg Publishing House, 1984), 75.

Озвучивать этот контент казалось им верхом безумия ввиду явной локальной привязки песен Сиона, привязки, которая была сокрушена волей их Бога и жестоким исполнением этой воли врагами народа Божьего.

Евреи отказывались устраивать шоу, их арфы молчали, они весели на вербах и песни, если они и были, были больше похожи на сетования по разрушенному Иерусалиму. Какая может быть радость и веселье, когда того, что составляло основу этой радости и веселья, больше нет? Враги лишили их того, что составляло суть их песен и смысл их жизни. По большому счету песня – это то светлое, чем мы живем, то, чему мы воспевает хвалебные оды, то, ради чего вообще стоит жить. И когда убивают эту песню-мечту, разрушают надежду, сокрушают основы жизни, естественная реакция на это – гнев, возмущение, ярость, которые находят свой выход в конце псалма.

Реальность плена ежечасно демонстрировала неуместность повторения свободных песен свободного Сиона в стране пленения. Эта страна была настолько чужой, а Сион настолько вожделенным как объект средоточия всех помыслов, чаяний и воздыханий, что фактическим местом действия псалма следует считать Сион – мирный (целый), осажденный, разрушенный – любой, а не Вавилон. Сион продолжал быть единственным локусом, где могла быть возможной жизнь, какой она представлялась пленным, – единственно приемлемая настоящая жизнь с ее песнями, ритуалами и праздниками. Поэтому для псалмопевца умственная фиксация на Иерусалиме, несмотря на очевидную иллюзорность этой эскапистской практики, была выходом из положения, переходом в то место, где все сходилась, все было логичным и жизнеутверждающим.^[16]

2.2. Иерусалим – навсегда в памяти (ст. 5-6)

⁵ *Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня десница моя;*

⁶ *прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего.*

◆ Начальные слова этой части псалма вполне органично бы смотрелись в любовной поэме. Автор не скрывает своих самых нежных чувств к Иерусалиму. Чужеродность окружающей действительности, совместное пролитие слез об ужасной судьбе родины, молчащие арфы – всё это на время обращается в размытый бэкграунд, тогда как крупным планом выступает сам псалмопевец и его озвученная боль. Местоимение множественного числа («мы») сменяется на слова с местоименным

^[16] Декамп расширяет эту мысль следующим образом: «По всей видимости, псалмопевец подразумевает, что ментальное состояние человека может быть более реальным и важным, чем материальная данность – физическое пространство Вавилона. Он может сидеть У реки или НА чужой земле, но ментально он находится в Иерусалиме. По мнению автора псалма, пленники обитают именно в ментальном пространстве». DesCamp, “Blessed Are the Baby Killers”, 4.

суффиксом 1 лица единственного числа, коллективный опыт потери смыслообразующей родной гавани уступает место индивидуальному отношению к Иерусалиму как к локусу жизни (в отличие от Вавилона – места, подобного шеолу).

МакКэнн отмечает наличие хиастической структуры в 5 и 6 стихах:

А – Если (’im) я забуду тебя, Иерусалим

В – забудь меня десница моя

А’ – прилипни язык мой к гортани моей

В’ – если (’im) не буду помнить тебя^[17]

В порыве проклинающего возгласа псалмопевец выносит самому себе (гипотетический) приговор, если он предаст забвению Божий град Иерусалим.^[18] Горькой иронией звучат слова «забудь меня десница моя» и «прилипни язык мой к гортани». В случае осуществления этих двух «если», песни Сиона больше никогда не зазвучат в исполнении псалмопевца: забывшая своего обладателя или, как в некоторых переводах, иссохшая правая рука не сможет играть на арфе (кинноре), а прилипший к гортани язык будет не в состоянии воспроизводить слова любимых песен.^[19] Это та цена, которую готов заплатить автор: лишиться возможности когда-либо (может быть, после плена) спеть песнь Сиона там, где она бы звучала наиболее уместно, т.е. в Иерусалиме, если этот город, «совершенство красоты, радость всей земли» (Плач 2:15), перестанет быть его высшей радостью.

Эзрахи подчеркивает подчиненность личного состояния автора (его радость) экзистенциальной ценности памяти.^[20] Когда Иерусалим лежит в руинах, а Божий голос не обещает скорой перемены участи, память – самый надежный и короткий путь к ситуации до катастрофы, до переселения в чужбинный край. Остается только предполагать насколько «до» устремлялся взор псалмопевца. Возможно, последнее впечатление от уже разрушенного города было основным, тем самым стоп-кадром, который светился тусклым траурным светом в памяти всякий раз, когда мысль обращалась к родному и любимому Иерусалиму. Если это предположение верно, то нас не должно удивлять или даже шокировать содержание последних трех стихов.

^[17] J. C. McCann, Jr., “Book of Psalms,” in L. E. Keck et al. (eds.), *The New Interpreter’s Bible*, vol. 4 (1996), 1227; Walter Brueggemann and William H. Bellinger, Jr., *Psalms* (Cambridge: Cambridge University Press, 2014), 574.

^[18] См. любопытное исследование феномена самопроклятия в Пс. 136:5-6 в статье DesCamp, “Blessed Are the Baby Killers”, 9-10.

^[19] Ср. «правая рука и язык – это, конечно, синекдохи, указывающие на выполнение телом функции письменной и устной коммуникации». Sidra DeKoven Ezrahi, “By the Waters of Babylon”: The Amnesia of Memory”, in *Psalms In/On Jerusalem*, ed. Ilana Pardes and Ophir Münz-Manor (Berlin: de Gruyter, 2019), 155. См. также Brueggemann and Bellinger, *Psalms*, 574.

^[20] Ezrahi, “By the Waters of Babylon”, 157.

2.3. Жажда возмездия ненавистным идумеям и вавилонянам (ст. 7-9)

⁷ Припомни, Господи, сынам Едомовым день Иерусалима, когда они говорили: „разрушайте, разрушайте до основания его”.

◆ В ст. 7 тема памяти получает дальнейшее развитие. Она присутствует во всех трех частях псалма: в первой части память обращена в сторону Сиона как места блаженного обитания Бога и Его народа (ст. 1); во второй – память выступает своеобразным залогом или клятвенной гарантией того, что псалмопевец всегда будет помнить Иерусалим (ст. 5-6); в третьей, которая начинается в седьмом стихе, автор апеллирует к памяти Бога в надежде, что Яхве припомнит то, что так хорошо помнит сам псалмопевец и его соотечественники, а именно злодеяние врагов Израиля (идумеев) по отношению к Божьему народу.

Воспоминание Иерусалима неотъемлемо соединено с воспоминанием тех, кто причинил ему страшный урон.^[21] С одной стороны, это не должно особо удивлять, с другой – эта связь играла важную роль на стадии актуализации исторического опыта жизни в Иерусалиме и расставания с ней (жизнью) и с ним (Иерусалимом) по причине жизнесокрушающих действий врага. Гнев и жажда возмездия были «топливом» в горниле данного процесса актуализации.

Память, как правило, хорошо удерживает эмоционально окрашенные моменты жизни, хотя часто при этом бывает избирательной и прячет то, что способно причинить боль. Но когда эта боль неминуема, когда она неистовствует в человеке, тогда память из копилки информации о прошлом превращается в нашего защитника или судью, в зависимости от ситуации. В 136 псалме память для евреев была скорее судьей виновников их несчастья.

В данном случае, как уже отмечалось выше, автор обращается к Яхве, чтобы в Его божественной памяти «зажглись» враги Сиона – кровные родственники израильтян, идумеи, которые мечтали о полном уничтожении Иудеи как государства, которые при каждом удобном случае подсыпали соль на раны, кивали в сторону Иерусалима с насмешкой и ненавистью. Когда наступил «день Иерусалима», то есть день Божьего суда над этим городом, Едом отличился крайней жестокостью по отношению к жителям Иудеи (ср. «жестоко мстил дому Иудину и тяжко согрешил, совершая над ним мщение» (Иез. 25:12)). В 586 году идумеи шли вслед вавилонян на разграбление разрушенного Иерусалим, «как

^[21] Эффект расширенного воспоминания (город + разрушители) применим и к другим городам. История Хиросимы, Нагасаки, Дрездена, Варшавы, Манилы, Алеппо и многих другим городов неразрывно связана с эпизодом их разрушения от рук всевозможных врагов. В этом печальном списке, уверен, надолго закрепится и украинский Мариуполь.

гиены бегут вслед за львами».^[22] Затем, насытившись добычей, они всячески усложняли жизнь беженцам, убивая и грабя их (ср. Авд. 1:11-14; Иез. 25:12-14; 35:5-15).^[23]

Почему надо было помнить и вспоминать жестоких врагов, сотворивших столько зла Иерусалиму? Потому что они выступили активными творцами трагедии, которая произошла с Сионом. Именно они были тем смерчем, который разрушил дом Иудин с его древней столицей Иерусалимом. Ввиду этого напрашивается параллель с сегодняшней военной реальностью Украины. Одним из самых душераздирающих моментов нынешней российско-украинской войны были зверства российских солдат над мирным населением в Буче, Волновахе, Мариуполе и других городах. В некоторых случаях камеры наблюдения фиксировали факт расстрела людей, последние мгновения жизни жертв. Таким образом, на последнем кадре остаются и душегуб(ы), и жертва, соединенные навсегда событием лишения жизни в результате вопиющего опыта нарушения Божьей заповеди «Не убий».^[24]

Евреи просили Бога припомнить (*захар*) тех, кто был на «последнем кадре» превратившегося в руины Иерусалима, тех кто агитировал добивать, крушить, разрушать («разрушайте, разрушайте до основания его»). В этой связи стоит привести цитату из книги МакКэнна «Богословское введение в книгу Псалмов», в которой автор, в частности, выражает еще одну важную грань процесса воспоминания: «Воспоминание Иерусалима – это акт сопротивления. Народ Божий не мог петь, но мог помнить. В самом деле, они *должны* (курсив мой – В.Г.) были помнить! Пс. 136 учит нас, что важнейший акт воспоминания активизируется сильными и неотделимыми эмоциями горя и гнева. В ситуациях виктимизации горе и гнев не только неизбежны, но приемлемы и даже необходимы. В случае 136 псалма печаль и гнев поддерживают память, которая делает возможными веру, надежду и жизнь «на земле чужой». Перед лицом чудовищного зла худшая из возможных реакций – ничего не чувствовать. Что нужно чувствовать, так это горе, ярость, возмущение. В их отсутствие зло становится приемлемым обыденным явлением. Забыть – значит подчиниться злу, зачахнуть и умереть; помнить – значит сопротивляться, быть верным и жить снова».^[25] Забыть – это значит стать духовно-ущербным калеккой, потому что единственная здоровая реакция на зверства мучителей – возмущение, ярость, гнев и желание справедливого возмездия. Если этих чувств нет, то есть основания гово-

[22] Simango, “A Comprehensive Reading of Psalm 137”, 226.

[23] Ibid., 236.

[24] В связи с насильственным характером смерти еще более трагичной представляется серия метафор умирания и смерти (порванная серебряная цепочка, расколотая золотая чаша, разбитый кувшин и разрушенное колесо) в Еккл. 12:6.

[25] J. Clinton McCann, *A Theological Introduction to the Book of Psalms: The Psalms as Torah* (Nashville: Abingdon Press, 1993), 119.

речь о глубокой духовной патологии. Кроме того, забыть – значит пойти против истины и убедить себя в том, что у жертв не было мучителей и палачей, что в результате какого-то нелепого и чудовищного монтажа на последней картине, на которой запечатлен коллапс мира и жизни, изображен только поверженный (и нет даже тени повергающего).

В стихе 7 встречается единственное обращение к Богу в псалме. Автор взывает к ковенантному Богу Израиля, называя его по имени Яхве, с настойчивой просьбой взяться за дело, начать действовать, отталкиваясь от той ситуации, которая, подобно ядерному взрыву, произвела «дивный новый мир», в котором жертва оказывается в плену (земном шеоле), а душегубцы и подстрекатели ко злу чувствуют себя вполне комфортно в привычных для себя условиях. В этом кроется смысл призыва «припомни», обращенного к Богу.

⁸ Дочь Вавилона, опустошительница! блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам!

⁹ Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!

В коротком рефлексивном псалме автор несколько раз обращается к внешнему миру. Апогеем этих коммуникаций с внешними является адресная угроза главным врагам – вавилонянам. О Вавилоне автор не говорит ничего положительного, называя его коренных жителей «пленившими нас», а их империю, обозначенную персонифицировано «дочерью Вавилона», – «опустошительницей». Дочь Вавилона – «антисимвол возлюбленного Иерусалима, его прямо противоположный идеологический полюс».^[26]

По отношению к пленившим и опустошавшим используется только один принцип – *lex talionis* (принцип возмездия, соответствующего причиненному вреду).^[27] В вопросе ретрибуции врагам псалмопевец рассчитывает на справедливое воздаяние со стороны Яхве и на действия других лиц. Он даже призывает благословения на агента осуществления акта возмездия, кем бы он ни был. Он, по-видимому, не был готов полностью положиться на Божью декларацию «Мне отмщение, Я воздам», возможно, опасаясь, как Иона, что Божьи меры в лучшем случае будут половинчатыми или недостаточными. Тем не менее, автор не рассматривает себя в качестве вершителя своих огненных слов.

При всем том писавший эти жестокие строки не собирался заканчивать свой псалом на полутоне. Он достигает неожиданного (для многих

^[26] Hennie Viviers, “Psalm 137: Perspectives on the (neuro-) psychology of loss”, *Verbum et Ecclesia* 31(1) (2010), 6.

^[27] В книге пророка Иеремии этот принцип декларируется с поразительной ясностью: «Ибо придет на него, на Вавилон, опустошитель, и взяты будут ратоборцы его, сокрушены будут луки их; ибо Господь, Бог воздаяний, воздаст воздаяние» (Иер. 51:56, ср. Авд. 1:15-16).

читателей) и логичного (для самого себя) крещендо в ст. 9. Хотим мы того или нет, при прочтении данного текста автоматически включается наш внутренний редактор или цензор, не правда ли? Определенно в последнем стихе псалма, как выразился патриарх метода анализа жанровых форм Герман Гункель, «не хватает духа Нового Завета».^[28] Этот стих – «блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень» – смущает больше, чем предпоследний и 99% всей Библии. Страдания, плен, враги Израиля, арфы, песни Сиона, – все это знакомо, эти темы затрагиваются и в других книгах Ветхого Завета, но вот убийство младенцев, пусть и вавилонских, – об этом мы не привыкли читать в Писании. Этот мотив иногда встречается в Ветхом Завете, хоть и не всегда в императивной форме (см. Чис. 31:17; 4 Цар. 8:12; Ос. 13:16; ср. Матф. 2:16), и определенно режет слух и обескураживает многих христиан в их новозаветных взглядах на этот страшный феномен древнего мира.

Неудивительно, что довольно рано в христианском богословии, особенно в богословии отцов церкви, тексты, подобные 9 стиху, начали истолковываться символически, иносказательно. Одно из наиболее популярных толкований «младенцев» сводилось к тому, что под ними нам, христианам, следует понимать наши греховные помыслы, страсти, сами грехи. Вот типичный образец подобной интерпретации: «Кто есть младенцы Вавилонии? Рождающиеся порочные страсти. Но есть такие люди, что борются со старой страстью. Когда рождается страсть, пусть не превращается она в укоренившуюся порочную привычку; пока она мала, уничтожь ее. Но следи, чтобы, будучи уничтоженной, умерла она полностью. О камень ее разбей: «Камень же был Христос»».^[29]

Конечно, верующие смело могут использовать такой подход или такое истолкование, если оно помогает им в борьбе с грехами. Можно назвать наши греховные страсти младенцами – вавилонскими, египетскими, филистимскими, халдейскими, какими угодно, и умерщвлять их молитвой, верой, постом, но давайте не забывать, что за таким текстом, как 136 псалом, стоят реальные люди и реальные события. Его поэтическая природа вовсе не отменяет подлинности вавилонской мизансцены со всем комплексом переживаний ее участников.

Еще одно объяснение, подобное только что приведенному, акцентирует аспект суда в рассматриваемом отрывке. Этот текст, как отмечает сторонник этой точки зрения Ховард Осгуд, пророчески демонстрирует суд или наказание Божье в виде разбития детей зла (неверующих) о камень Христа.^[30] Некоторые комментаторы обращают внимание на значение слова «младенец» (*нафац*), которое используется в Пс. 136:9, отмечая,

[28] Hermann Gunkel, "Psalm 137: An Interpretation", *The Biblical World* 22 (4) (1903), 293.

[29] Аврелий Августин, *Толкование на псалом 136*.

[30] Howard Osgood, "Dashing the Little Ones against the Rock", *Princeton Theological Review* 1 (1) (1903), 34

что оно не указывает на определенный возраст ребенка, так как может употребляться с одинаковым успехом по отношению к ребенку как очень юного возраста, так и более зрелого.^[31] Согласно их мнению, истолкователь должен перевести центр тяжести в рассуждениях о младенцах с их невинного возраста на факт их связи с предыдущим поколением, грехи которого эти младенцы будут повторять во взрослых летах.^[32] Под таким углом призыв к убиению вавилонских младенцев, хоть и не оправдывается, однако становится более обоснованным.

Уолтер Кайзер мл. идет дальше и доказывает метафоричность всей рисуемой читателю сцены разбивания детей о камни: «Чего в Вавилоне не было – так это камней или скал, о которые можно было бы хоть что-то разбить. В сущности, в городе не было даже камней, пригодных для строительных целей, в отличие от каменистой земли практически всей Палестины. Для строительства нужно было изготавливать высушенные на солнце кирпичи из грязи и битумную скалу для связующего раствора. Поэтому, когда автор говорит о том, чтобы разбить младенцев о камень, он выражается метафорически, в переносном смысле».^[33]

Возможно, линия аргументации Кайзера имеет основания, хотя она представляется довольно искусственной (при необходимости всевозможные орудия казни обнаруживаются неожиданно легко), но, думается, известный евангельский богослов, доказывая невозможность реализации указанного в ст. 9 способа возмездия вавилонянам, забывает о не менее важном пункте, а именно о страстном желании осуществления этого возмездия.^[34] Более того, это желание облечено в форму своеобразных «заповедей» блаженства: «блажен, кто воздаст...» и «блажен, кто возьмет

^[31] Walter Kaiser Jr., Peter Davids, F.F. Bruce, Manfred Brauch, *Hard Sayings of the Bible* (Downers Grove IL: InterVarsity Press, 1996), 281; Maré, “Psalm 137”, 124; Simango, “A Comprehensive Reading of Psalm 137”, 238.

^[32] Kaiser, *Hard Sayings of the Bible*, 281. Одним из проявлений греховности в вавилонских детях было то, что они, вырастая, становились на путь агрессии и участия в захватнических войнах, которые уничтожали множество людей, в том числе детей. Согласно Герстенбергеру, «это желание уничтожить детей есть не что иное, как прискорбный пример глубоко укорененной этнической ненависти. Это желание так же шокирующе, как и бойни враждующих этнических и религиозных групп, свидетелями чего мы являемся и сегодня». Erhard S. Gerstenberger, *Psalms, Part 2, and Lamentations* (Grand Rapids: Eerdmans, 2001), 393. См. также Steenkamp, “Violence and hatred in Psalm 137”, 308.

^[33] Kaiser, *Hard Sayings of the Bible*, 282.

^[34] Желания, особенно сильные, страстные, под час могут подтолкнуть к судьбоносным поступкам. Читатель наверняка помнит слова Ивана Карамазова о том, что он не решится на убийство своего отца, но желать этого он себе запретить не хочет. «Но в желаниях моих я оставляю за собою в данном случае полный простор» (Ф.М. Достоевский, Братья Карамазовы). Как известно, несмотря на неучастие в убийении родителя непосредственным образом, Иван пал жертвой своего желания и сделался соучастником отцеубийства, «благословив» Смердякова на это преступление.

и разобьет...». Декамп верно подмечает, как эти два благословения (блаженства) перекликаются с двумя проклятиями в ст. 5 и 6 и также нуждаются в исполнении условия их получения, чтобы они каким-то образом актуализировались в жизни их исполнителя.^[35]

Как относиться к Пс. 136:9? Думаю, большинство из нас будет продолжать придерживаться отстраненно-укоризненного взгляда на крик души автора обсуждаемого нами псалма, независимо от моих или чьих бы то ни было мнений о нем. Более того, часть читателей предпочтет ретироваться от этой темы, как впервые попавший в металлургический цех и оказавшийся возле доменной печи посетитель подумает: «Зачем мне это надо?», и потянется к выходу. Ясно одно: мы можем облекать эти тексты в какие угодно интерпретации, можем подыскать им очень удобное и убеждающее символическое значение, но при этом упустить из виду одну очень существенную деталь: эти тексты говорят нам не просто об отвлеченных идеях и дешевых эмоциях из второсортных романов.

В данном случае мы имеем дело с людьми, доведенными до отчаянья. А для крайнего отчаянья законы не писаны. Хорошо, сидя в спокойной тихой атмосфере, когда в жизни все более или менее спокойно, рассуждать о преимуществах новозаветной этики над ветхозаветной, придумывать символические отговорки, редактировать формулировки, придавать более возвышенный, христианский, смысл суровым реалиям ветхозаветной жизни, но будет ли во всей этой нашей редакторской деятельности хоть капля, пусть страшной, неудобной, неприятной, но правды жизни? Да, люди, потерявшие все: родину, дом, возможно, детей, храм как место присутствия Бога, и, может быть, как они опасались, милость Самого Творца, с Которым они были связаны заветными отношениями, – эти люди в безумном отчаянии своем желали, жаждали справедливости, чтобы Бог воздал Вавилону тем же, что испытали они сами («блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам»)^[36]

Пророки периода вавилонского пленения очень ярко и реалистично описывают те ужасы, которые испытал израильский народ во время вавилонского нашествия.^[37] Так, пророк Иеремия пишет:

Ибо смерть входит в наши окна, вторгается в чертоги наши, чтобы истребить детей с улицы, юношей с площадей. Скажи: так говорит Господь: и будут повержены трупы людей, как навоз на поле и как снопы позади жнеца, и некому будет собрать их. (Иер. 9:21-22)

^[35] DesCamp, “Blessed Are the Baby Killers”, 12.

^[36] См. более подробно о жажде воздаяния как восстановления справедливости в книге Hans-Joachim Kraus, *Theology of the Psalms* (Minneapolis: Fortress Press, 1992), 67.

^[37] См. интересное обсуждение влияния потери земли и тяжелого бремени плена с точки зрения нейропсихологического подхода в статье Viviers, “Psalm 137: Perspectives on the (neuro-) psychology of loss”, 4-7.

В таком контексте последние два стиха этого псалма становятся более понятными, хотя вряд ли мы сможем до конца осмыслить их, понять их так, как понимали их переселенцы в 6 веке до н.э. и многие украинцы в 2022 году. Трудно остаться безучастно равнодушным или отстраненно рассуждающим, когда речь идет о миллионах жертв Холокоста, голодомора, политики Пол Пота, массовой резни в Руанде, прочих геноцидов и особенно того, что сейчас происходит в Украине по вине оккупантов. Невольно испытываешь гнев, возмущение и желание Божьей кары на палачей и извергов за совершенные ими зверства и убийства, когда думаешь обо всем этом.

Уолтер Брюггеман допускает, что концовка псалма «может быть голосом опытной религии, которая глубоко знает, какой ценой можно победить отчаяние».^[38] Так или иначе, в эту цену входит необходимость правильным образом процессировать чувство, которое испытывали все верующие когда-либо в своей жизни. Речь идет о чувстве мести, в центре которого гнездится стремление воздать обидчику по заслугам.

Нербасс, цитируя Бассет, подчеркивает, что желание воспроизводить насилие, которое мы испытали сами, заложено в природе человека и усугубляется отсутствием эмпатии вокруг нас. «Однако это желание быстро оказывается саморазрушительным для человека».^[39] Это одна из причин, почему, согласно Писанию, мысль о личной мести всегда должна подчиняться Божьему промыслу в вопросе восстановления справедливости (ср. Рим. 12:9, Откр. 6:10).^[40] В качестве дополнения к уже изложенному можно привести окончание цитаты Брюггемана, начало которой дано выше: «Это акт глубокой веры – доверить Богу свои самые сокровенные ненависти, зная, что к ним отнесутся серьезно».^[41] Несмотря на шокирующий финал этого неоднозначного псалма, в котором решение проблемы восстановления справедливого порядка видится на горизонтальном уровне человеческой вендетты, сам он по своей жанровой и канонической сути (псалом как молитва) направлен к Богу как опыт, в основе которого – «попытка перед лицом глубочайшего унижения и беспомощности, подавить примитивную человеческую жажду насилия в собственном сердце, отдавая все Богу».^[42]

Заключение

42 ♦ Если вкратце охарактеризовать группу пленных иудеев «при реках Вавилона», то можно заметить, что эти люди, сидевшие, плакавшие и вспоминавшие Сион, оказались в критической ситуации, когда то, чем

^[38] Brueggemann, *Message of the Psalms*, 77.

^[39] Daniel Michael Nehrbass, *Praying Curses: The Therapeutic and Preaching Value of the Imprecatory Psalms* (Eugene, OR: Pickwick Publications, 2013), 150.

^[40] Nehrbass, *Praying Curses*, 150.

^[41] Brueggemann, *Message of the Psalms*, 77.

^[42] Erich Zenger, *A God of Vengeance? Understanding the Psalms of Divine Wrath* (Louisville: Westminster John Knox Press, 1996), 48.

они руководствовались до плена, – их национальные святыни, храм как центр поклонения, праздники, традиции, привычный уклад жизни – осталось в прошлом. Они понимают всю абсурдность песен сионских без Сиона, гимнов, прославляющих Иерусалим, тогда как город лежал в руинах. Старые песни петь было больно, а новые – возможно, еще не родились. От прежней жизни осталось одно воспоминание, а к новой надо еще долго привыкать.

Плен может выступать метафорой любой несвободы, перевернутости привычного мира или «потери надежного структурированного мира, когда высмеиваются и отвергаются заветные символы смыслов».^[43] Все, что осталось псалмопевцу и его соотечественникам делать в плену, – это прокручивать прошлое. Им казалось, что без Иерусалима, без храма, без поклонения на месте присутствия Бога у них нет будущего. Они – живые трупы, вынужденные переносить все ужасы вавилонского ада.

Сравнение вавилонского плена с адом блестяще проводится в статье библеиста Нильса Лемке. Он описывает нисхождение псалмопевца в ад в виде четырех шагов, соответствующих тематическому развитию содержания 136 псалма: 1) воспоминание своего места происхождения в плену; 2) отсутствие цели и чувство бесполезности как следствие изгнания; 3) претерпевание издевательств от врагов; 4) ненависть к врагам.^[44] Несмотря на мое несогласие с Лемке по вопросу историчности вавилонского плена (Лемке относит библейский отчет о пленении евреев в Вавилоне, как и рассказ об исходе из Египта, к категории мифов^[45]), я признателен ему за очень, на мой взгляд, удачное сравнение состояния автора Пс. 136 с погружением в ад. Наш христианский внутренний редактор с его искупительной программой всегда ищет выхода – если не полного избавления из этого ада, то, по крайней мере, какой-то лазейки, перевода состояния в контекст чистилища или лайт-версии ада. Вопрос упирается в то, насколько неизбежен последний шаг в этом поступенчатом вхождении в ад мрачной отчужденности и безысходности.

Выход, как мне кажется, по крайней мере, применительно к иудеям в вавилонском плену, следует искать не столько в самом рассматриваемом псалме, сколько в том, что осталось за кадром. По слову пророка Иеремии, плен должен был продлиться 70 лет. Перед пленными была

^[43] Walter Brueggemann, *Cadences of Home: Preaching among Exiles* (Louisville: Westminster John Knox Press, 1997), 2.

^[44] Peter Lemche, “Psalm 137: Exile as Hell”, in *Myths of Exile: History and Metaphor in the Hebrew Bible*, ed. Anne Katrine de Hemmer Gudme and Ingrid Hjelm (New York: Routledge, 2015), 90. В иудаизме и христианстве было много попыток интерпретировать последние стихи 136 псалма в качестве идеологической и богословской матрицы. См. статью о рецепции Пс. 136 на протяжении веков израильской и христианской истории: Susan Gillingham, “Jewish and Christian Approaches to Suffering in the Reception of Psalm 137”, *Old Testament Essays* 32 (2) (2019), 444-463.

^[45] Lemche, “Psalm 137: Exile as Hell”, 93-96.

перспектива весьма долго собираться у рек вавилонских, тосковать, предаваться воспоминаниям и плакать или же научиться петь новые песни – вавилонские. И многие так и сделали.^[46] Бог же призывает Свой народ пойти другим путем. Господь через Своего пророка произвел корректировку перспективы, дав слово надежды и указав на более превосходный образ жизни в центре Вавилонской империи (см. Иер. 29:4-14). Рецепт от тоски для плакавших у рек Вавилона – это сама жизнь, это забота о родных и близких, это труд на благо ближних и даже врагов. Этим словом пророк призывает народ посмотреть на их ситуацию не с точки зрения той участи, которая их постигла, а с позиции их *миссии* в стране пленения.

Очевидно, многие христиане Украины сейчас находятся в поисках своего места в новой реальности и своей миссии в раздираемой войной стране или в качестве беженцев в разных странах мира. Поскольку эмоционально они в определенных моментах повторяют путь древних переселенцев, то некоторые уроки псалма, которому посвящена эта статья, могут быть полезны всем, кто находится под прессом жутких событий и потрясений нынешней военной поры.

Мы рассмотрели 136 псалом. Очевидно, что он находится в нашем каноне Библии не только для контраста между этическими стандартами Ветхого и Нового Заветов или для того, чтобы мы могли лишний раз покритиковать древних израильтян за жестокосердие по отношению к врагам. Этот и другие подобные ему псалмы (34, 68, 82, 108 и др.) следует читать вдумчиво, без «домашних заготовок» в виде универсальных ответов и предрешенных умозаключений, которыми мы можем козырять как заправские апологеты. Такие тексты требуют открытости ума и сердца, проникновенного размышления не только о словах библейских поэтов и псалмопевцев, но и о времени и месте, в которых жили авторы и в котором живем мы. Ведь у каждого из нас, наверняка, есть своя персональная «вавилонская река», к которой мы приходим поплакать о своих потерях?^[47] В связи с войной и страшными жертвами этих рек у людей сегодня определенно прибавилось...

^[46] Это подтверждается, например, тем, что десятилетия спустя многие предпочли остаться в Вавилонии, даже когда им представилась возможность репатриироваться в Иерусалим. К тому времени Иерусалим для значительной доли еврейского населения Персидской империи превратился в символ или даже миф, который легко мог быть разрушен при первом непосредственном знакомстве с городом их праотцов.

^[47] Образ вавилонской реки был очень часто востребован на протяжении веков различными писателями, религиозными деятелями, политиками. Так, например, мотив вавилонской реки использовался английским монахом и поэтом Джоном Лидгейтом (1370-1451), который, как отмечает Джиллингем, утверждал, что «церковь создала свой собственный вавилонский плен, оказалась заключенной по причине своей неспособности изгнать ересь... даже ужасный язык проклятий в конце псалма используется Лидгейтом для обоснования справедливого наказания еретиков-лоллардов». Susan Gillingham, *Psalms through the Centuries*, vol. 1 (Blackwell: Oxford, 2008), 115.

Господь не умаляет важности свершившегося факта плена, горя и страдания. Более того, эта страница в истории Иудеи и биографии многих пленных сыграла важную роль в формировании новых поколений. Брюггеман описывает эту роль следующим образом:

«В плену Израиль представлял собой сообщество, которое скорбит и протестует... Древняя социальная практика плача и сетования стала важной богословской деятельностью Израиля. Опыт переживания горя – это упражнение в выражении правды... упражнение в проявлении огромной печали, которая без отрицания и обмана признает [реальное] положение и состояние Израиля».^[48]

Именно в этом опыте страдания народ узрел правду о себе. Евреи не хотели развлекать своих врагов песнями Господними, но, благодаря тому, что они эти песни помнили и хранили не только в памяти, но и в своих сердцах, они смогли пережить ту страшную эпоху в своей истории.

Список использованных источников

- Аврелий Августин *Толкование на псалом 136*.
- Генри, Мэтью. *Толкование книг Ветхого Завета. Том 6. Псалмы*. DRTS, 2005.
- Льюис, Клайв. *Размышления о псалмах*. Москва: Эксмо, 2011.
- Сапонов, Михаил. *Себастьян Бах: Хоралы Святому Духу*. Москва: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2015.
- Уирсби, Уоррен. *Комментарий на Ветхий Завет. Том 2. Ездра-Малахия*. Санкт-Петербург: Библия для всех, 2011.
- Уолтон, Джон Х., Мэтьюз, Виктор Х., Чавалес, Марк У. *Библейский культурно-исторический комментарий. Часть 1. Ветхий Завет*. Санкт-Петербург: Мирт, 2003.
- Brueggemann, Walter, and Bellinger, William H., Jr. *Psalms*. New Cambridge Bible Commentary. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Brueggemann, Walter. *Message of the Psalms: A Theological Commentary*. Augsburg: Augsburg Publishing House, 1984.
- _____. *Cadences of Home: Preaching among Exiles*. Louisville: Westminster John Knox Press, 1997.
- _____. *An Unsettling God: The Heart of the Hebrew Bible*. Minneapolis, MN: Fortress Press, 2009.
- Kaiser, Walter Jr., Davids, Peter, Bruce, F.F. and Brauch, Manfred. *Hard Sayings of the Bible*. Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 1996.
- DesCamp, Mary Therese. “Blessed Are The Baby Killers: Cognitive Linguistics and the Text of Psalm 137”. *Society of Biblical Literature 2006 Seminar*, 1-14. https://www.sbl-site.org/assets/pdfs/DesCamp_Blessed.pdf
- Ezrahi, Sidra DeKoven. “By the Waters of Babylon”: The Amnesia of Memory”, in *Psalms In/On Jerusalem*, edited by Ilana Pardes and Ophir Münz-Manor. Berlin: de Gruyter, 2019.
- Gerstenberger, Erhard S. *Psalms, Part 2, and Lamentations*. Grand Rapids: Eerdmans, 2001.
- Gillingham, Susan. *The Poems and Psalms of the Hebrew Bible*. Oxford: Oxford University Press, 1994.

^[48] Walter Brueggemann, *An Unsettling God: The Heart of the Hebrew Bible* (Minneapolis, MN: Fortress Press, 2009), 41.

- _____. *Psalms through the Centuries*. Vol. 1. Blackwell: Oxford, 2008.
- _____. “Jewish and Christian Approaches to Suffering in the Reception of Psalm 137”. *Old Testament Essays* 32, no. 2 (2019): 444-463.
- Goulder, Michael D. *The Psalms of the Return (Book V, Psalms 107-150)*. Journal for the Study of the Old Testament Supplement Series 258. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1998.
- Gunkel, Hermann. “Psalm 137: An Interpretation”. *The Biblical World* 22, no. 4 (1903): 290-293.
- Kraus, Hans-Joachim. *Theology of the Psalms*. Minneapolis: Fortress Press, 1992.
- Lemche, Peter. “Psalm 137: Exile as Hell”. In *Myths of Exile: History and Metaphor in the Hebrew Bible*, edited by Anne Katrine de Hemmer Gudme and Ingrid Hjelm, 89-98. New York: Routledge, 2015.
- Longman, Tremper III, and David E. Garland. *The Expositor’s Bible Commentary V: Psalms*. Grand Rapids, MI: Zondervan, 2008.
- Maré, Leonard P. “Psalm 137: Exile – Not the Time for Singing the Lord’s Song”. *Old Testament Essays* 23, no. 1 (2010): 116-128
- McCann, J. Clinton. *A Theological Introduction to the Book of Psalms: The Psalms as Torah*. Nashville: Abingdon Press, 1993.
- Nehrbass, Daniel Michael. *Praying Curses: The Therapeutic and Preaching Value of the Imprecatory Psalms*. Eugene, OR: Pickwick Publications, 2013.
- Osgood, Howard. “Dashing the Little Ones against the Rock”. *Princeton Theological Review* 1.1 (1903): 23-37.
- Simango, Daniel. “A Comprehensive Reading of Psalm 137”. *Old Testament Essays* 31, no. 1 (2018): 217-242.
- Steenkamp, Yolande “Violence and hatred in Psalm 137: The Psalm in Its Ancient Social Context”. *Verbum et Ecclesia* 25 (2004): 294–310.
- Stowe, David W. “Babylon Revisited: Psalms 137 as American Protest Song”. *Black Music Research Journal* 32, no. 1 (2012): 95-112.
- Stowe, David W. “Psalm 137: How Frederick Douglass claimed the Biblical message of social justice on July 4th”. <http://www.milwaukeeindependent.com/syndicated/psalm-137-how-frederick-douglass-claimed-the-biblical-message-of-social-justice-on-july-4th/>
- Viviers, Hennie. “Psalm 137: Perspectives on the (neuro-) psychology of loss”. *Verbum et Ecclesia* 31, no. 1 (2010): 1-7.
- Waltke, Bruce K., and James M. Houston, *The Psalms as Christian Worship: A Historical Commentary*. Grand Rapids: Eerdmans, 2010.
- Wellard, James. *By the Rivers of Babylon*. Newton Abbot: Readers Union, 1973.
- Zenger, Erich. *A God of Vengeance? Understanding the Psalms of Divine Wrath*. Louisville: Westminster John Knox Press, 1996.